

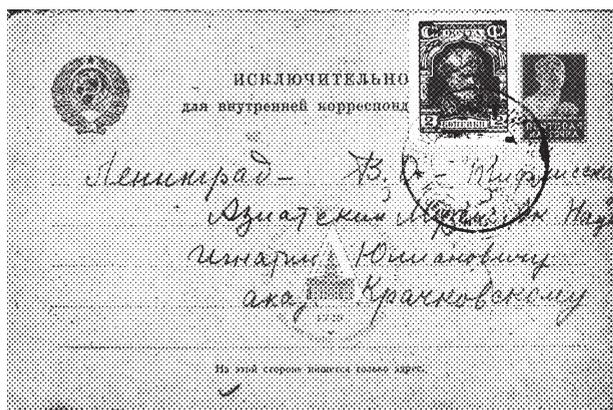
М. А. Янес

ВКЛАД И. Н. ВИННИКОВА В ИСТОРИЮ ИЗУЧЕНИЯ АРАБСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УЗБЕКИСТАНА

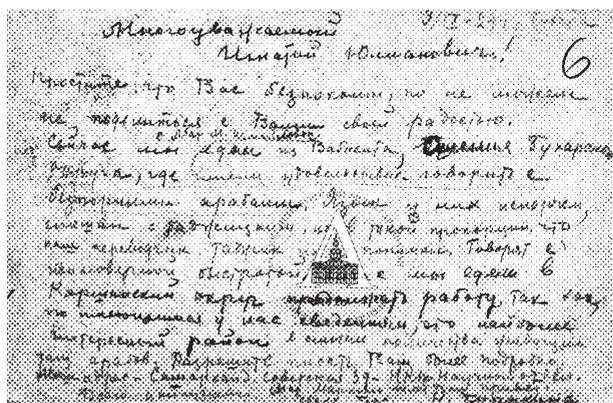
Об арабах, проживающих на территории Средней Азии, писали многие путешественники и участники дипломатических миссий XIX в. Так Е. К. Мейендорф отмечал, что «арабы поселились в Бухарии в то время, когда халифы завладели этой страной... Их можно распознать с первого взгляда по смуглому цвету лица; живут они в селениях, часть которых расположена в окрестностях Бухары. Часть арабов — кочевники, прочие же ведут полукучечной образ жизни и бродят около Карши и в окрестностях Термеза...»¹. В 1872 г. в сборнике «Русский Туркестан» А. Д. Гребенкин посвятил арабам небольшой раздел в работе «Мелкие народности Зеравшанского округа». Он описал небольшие группы арабов, проживавших вблизи Самарканда и Катта-Кургана, и отметил связь катта-курганских арабов с каршинскими. Гребенкин же, по-видимому, первым отметил, что каршинские арабы говорят между собой «на испорченном арабском языке»². В 1921 г. М. С. Андреев во время экспедиции в Самарканд посетил некоторые места компактного проживания арабов. Отчет о поездке был опубликован, и заметки М. С. Андреева о посещении им арабов стали одной из первых научных работ, проливающих свет на вопросы культуры представителей данной этнической группы³.

В 1922 г. В. В. Бартольд в статье «Задачи изучения Туркестана» отдельно отметил необходимость изучения арабского населения: «Особенно неотложным представлялось бы изучение исчезающих народностей, например, туркестанских арабов, в настоящее время, если я не ошибаюсь, всецело утративших свой язык, но еще сохранивших остатки национального самосознания и некоторые бытовые особенности. О туркестанских арабах до сих пор, насколько мне известно, нет ни одной специальной работы»⁴.

С 1929 г. открывается новая страница в истории изучения арабского населения Средней Азии. Поводом послужила простая открытка, пришедшая из Бухары И. Ю. Крачковскому на адрес Азиатского Музея в Ленинграде. Прислали ее Н. Н. Бурькина и М. М. Измайлова, бывшие ученицы Игнатия Юлиановича, совершавшие экспедиционную поездку к арабам Узбекистана с целью установления среди них групп, владеющих родным языком. *«Простите, что Вас беспокоим, но мы не можем не поделиться с Вами своей радостью. Сейчас мы с Марией Марковной Измайловой едем из Вабкента, селения Бухарского округа, где имели удовольствие говорить с бесспорными арабами. Язык у них испорчен, смешан с таджицким, но в такой пропорции, что наш переводчик таджик их не понимал. Сейчас мы едем в Каршинский округ продолжать работу, так как по имеющимся у нас сведениям, это наиболее интересный район в смысле количества живущих там арабов...»*⁵ (Рис. 1 а, б). Менее чем через месяц Игнатий Юлианович получает от Н. Н. Бурькиной и М. М. Измайловой более подробное письмо с описанием посещений кишлаков Джогари и Джейнау и особенностей языка, на котором говорят местные жители. О языке арабов кишлака Джогари Н. Н. Бурькина писала: *«Счет сохранился в быту до десяти, а затем идет уже таджицкий. Говорят с неимоверной быстротой... Животных называют по-арабски... Добиться*

а

б

Рис. 1. Письмо И. Ю. Крачковскому Н. Н. Бурькиной и М. М. Измайловой

образца связной речи от них было невозможно. Они категорически отрицали существование у них каких-либо сказок, или рассказов, или песен; и только от старичка одного удалось записать в нескольких строках историю появления их в Бухаре. Конечно, я думаю, если бы мы пожили подольше, удалось бы написать и рассказы...»⁶. О кишлаке же Джейнау была следующая информация: «Там 490 дворов арабских, но владеют языком из них двести и живут они в разных кварталах. Здесь говорят бойчее по-арабски, и женщины, пожалуй, даже лучше мужчин, во всяком случае не хуже... Здесь также почти невозможно записать связную речь. С большим трудом удалось уговорить одного старика, он рассказал три рассказа, очевидно, заимствованные из книги, или слышанные от человека грамотного. Один нам знаком по вашему рассказам»⁷.

Эти письма оказались весьма своевременными. Дело в том, что правительство нового молодого государства не считало классическую арабистику безусловно необ-

ходимой для советского народа, и ей грозило административное «закрытие». И. Ю. Крачковский искренне заинтересовался сообщениями своих учениц и доложил об этом 7 октября 1929 г. на собрании Кружка арабистов имени В. Р. Розена. На этом собрании, в некоторой степени эпохальном в истории изучения арабского населения Узбекистана, присутствовал и 32-х-летний ассистент кафедры общей этнографии ЛГУ Исаак Натанович Винников, занимавшийся в то время верованиями доисламских арабов⁸. И именно И. Н. Винников, вместе с Г. В. Церетели, К. В. Оде-Васильевой и С. Л. Волиным, в 1935 г. по заданию Института Востоковедения, под руководством И. Ю. Крачковского приступил к систематическому изучению арабов Узбекистана «в этнографическом и фольклорном отношениях». Тема изучения среднеазиатских арабов вместе с темой изучения арабских источников по истории России и стала в 1930-х гг. спасением для классической арабистики в России.

Исаак Натанович Винников принял участие в пяти экспедициях в 1936, 1938 и 1943–44 гг. В экспедиции 1936 г. принимали участие 3 человека, но, к сожалению, в настоящий момент мы не можем с точностью назвать их фамилии. Вероятно, одним

из них был С. Л. Волин. В Санкт-Петербургском филиале архива РАН хранится письмо Г. В. Церетели к И. Н. Винникову в связи с его намерением поехать в Среднюю Азию от 15 июня 1935 г.: «...Приятно также слышать, что Вы предпочитаете работать в том районе, где буду работать я. Я бы предполагал в качестве основной базы работы выбрать кишлак Джозгари Акмалабадского (бывшего Гиджуванского) района (в сорока километрах от старой Бухары), уже знакомый мне по предшествующим моим поездкам. Арабское население в этом кишлаке, поскольку мне известно, является преобладающим, и если там и живут узбеки, то их значительно меньше, и тесных связей с арабами не имеют, так что, мне кажется, что этот кишлак пригодится и для Ваших целей, тем более что в этих краях называют много кишлаков с арабским населением, и, в случае потребности, можно будет поехать туда. Я предполагаю выехать в Бухару первого сентября. Встретиться мы можем в Бухаре или в самом кишлаке Джозгари...»⁹ Однако материалы И. Н. Винникова об экспедиционном выезде 1935 г. пока найти не удалось, и мы не можем уверенно утверждать, что назначенная встреча состоялась. В 2006 г. один из пожилых жителей кишлака Джейнау Кашкадарьинской области Мурадулло Саидов сообщил, что он прекрасно помнит, что в предвоенные годы в кишлаке работали И. Н. Винников и Г. В. Церетели: «Помню, моя мама заворачивала в дастархан лепешки, и я относил их ученым. А они меня угощали конфетой». Вероятно, это был 1938 г., т. к. именно его упоминает Исаак Натанович, составляя в 1943 г. рапорт на очередную поездку в Кашкадарьинскую область.

Итак, первый выезд И. Н. Винникова в Узбекистан состоялся в 1936 г. Тогда, как и в 1938 г., работы проводились преимущественно в Бухарской области, в кишлаках Джозгари Гиджуванского района и в кишлаке Араб-хана Кипчакского сельсовета Вабкентского района. Экспедиции довоенных лет позволили определить общее количество арабских кишлаков в Бухарской области и выделить кишлак Араб-хана как единственный в Вабкентском районе, жители которого сохранили арабский язык. В этом кишлаке Исааком Натановичем были сделаны уникальные фольклорные записи, положенные впоследствии в основу книги «Язык и фольклор бухарских арабов», проведено посемейное обследование населения, изучен состав населения «в генетическом разрезе». Большое внимание было уделено И. Н. Винниковым системам родства и свойства, семейно-брачным нормам. Кроме того, в 1937 г. И. Н. Винников приглашал в Ленинград одного из жителей кишлака Араб-хана, Тош Гани, «одного из лучших носителей языка своего племени», для наблюдения за его речью в Кабинете экспериментальной фонетики ЛГУ¹⁰. В части же материальной культуры в результате первых экспедиций И. Н. Винниковым был сделан вывод, что она «даже в деталях не отличается от таковой у узбеков и таджиков»¹¹. По результатам этих первых двух экспедиционных выездов Исааком Натановичем была написана и успешно защищена докторская диссертация на тему «Арабы в СССР». Защита состоялась в Ленинградском Государственном Университете 19 июня 1941 г.

Во время Великой Отечественной Войны И. Н. Винников находился в эвакуации вместе с Ленинградским Отделением Института Востоковедения в Ташкенте. Несмотря на трудности военного времени, Исаак Натанович решил продолжить свою экспедиционную деятельность по изучению арабов Узбекистана. Подготовительный этап работы потребовал определенных усилий. Им были написаны письма секретарям райкомов партии Вабкентского и Гиджуванского районов с вопросами, проживают ли еще на территории районов известные ему потенциальные информанты, и с просьбой принять экспедицию и хотя и не все искомые люди оказались на прежних местах, но районные руководители выразили готовность принять ученых. В своих последующих отчетах о поездках военных

лет он пишет об условиях работы как о чрезвычайно трудных. «Трудности эти двоякого порядка: объективные и субъективные. К первым относятся трудности, вызванные условиями военного времени. Арабы, наряду с сынами других народов нашей страны, мужественно сражаются на полях Отечественной войны. ... Таким образом, количество арабов, которых можно было бы найти на месте, сократилось до крайнего предела. Но и этих арабов очень трудно использовать, ввиду их занятости выполнением возложенных на них колхозом заданий. А эти задания поистине огромные, так как оставшимся членам колхоза приходится работать и за временно отсутствующих сочленов... Были и трудности транспортные, а также продовольственные. К субъективным трудностям относится то, что сумма, полученная мною в ИВ в размере 1 500 руб., а также отпущенная мне сумма ИЭ была достаточна только для покрытия половины понесенных мною расходов, вторая же половина была покрыта отчасти благодаря помощи друзей, отчасти за счет продажи личных вещей. Если, несмотря на указанные трудности, мне все же удалось кое-что сделать, то этим я обязан в значительной степени вниманию и повседневной помощи, оказанной мне на месте общественными организациями и советскими учреждениями, в частности, Бухарским обкомом, Вабкентским райисполкомом и Кипчакским сельсоветом, а также помощи, любезно оказанной мне секретарем ЦК Узбекистана тов. Мирза Ахмедовым»¹².

Собираясь в экспедиции в Бухарскую и Кашкадарьинскую области Узбекистана в 1943–1944 гг., кроме дальнейшего изучения грамматики, пополнения словаря и увеличения количества фольклорных текстов, И. Н. Винников решил обратить особое внимание на изучение материальной культуры арабов, чтобы составить для себя окончательное мнение о том, сохранились ли в ней самобытные черты. Он разработал для себя специальную методику наблюдения и изучения всех аспектов культуры арабов и свел ее к следующим пунктам:

1. Изучая какой-либо факт, надо установить отношение среды к данному факту, т. е. воспринимается ли средой факт как специфически свой, претендует ли она на его авторство.

Контрольные наблюдения:

а) надо установить отношение к данному факту соседей, если подобный факт и у них наблюдается;

б) надо обследовать факт во всех его деталях в каждой среде;

в) надо выяснить историко-культурное значение данного факта, т. е. выяснить, органически ли он связан с характерным для данного народа в настоящем и прошлом культурным комплексом;

2. Факт надо фиксировать с предельной объективностью, т. е. не в пересказе, а в оригинале. Помимо других преимуществ, которые дает этот способ фиксации, сам язык может оказаться могучим орудием для определения национальной принадлежности факта.

3. Массовые непосредственные наблюдения:

а) не расспросы, а непосредственные наблюдения;

б) не единичные, а массовые наблюдения;

Только при этом методе могут быть избегнуты случайности¹³.

В результате серьезной подготовительной работы в апреле–июне 1943 г. И. Н. Винников еще раз побывал в Бухаре и Бухарской области. В этом выезде Исаака Натановича сопровождала в качестве помощника его жена Мария Ефимовна Мурынсон. Очередная экспедиция позволила восполнить имеющиеся пробелы в собранных ранее

лингвистических материалах, дополнить фольклорные записи и описать некоторые явления культурной жизни. В своем отчете об этой поездке И. Н. Винников признает, что по результатам полевой работы, проведенной по новой усовершенствованной методике, следует коренным образом пересмотреть его собственный вышеприведенный тезис о том, что материальная культура арабов практически полностью совпадает с таковой у окружающих узбеков и таджиков. *«Прежде всего удалось обнаружить у наших арабов некоторые производства, которые носят на себе несомненную печать самобытности и архаичности. Речь идет о ткацком и прядильном производствах. Произведенное на месте сравнительно-этнографическое изучение этих производств позволяет утверждать, что они, если, может быть, и не являются собственно арабским изобретением, были, во всяком случае, принесены арабами с собою в Бухару из первоначальных мест их обитания... Между прочим, мне удалось приобрести на месте соответствующие станки (ткацкий и прядильный), которые я и привез с собою в Ташкент. Далее, изучение процесса скотоводства у арабов — основной отрасли их хозяйственной деятельности до недавнего времени — показало, что они донесли до нас свой многовековой опыт в этом деле...»*¹⁴.

Сразу же по возвращении в Ташкент в июле 1943 г. И. Н. Винников по предложению Бухарских руководящих организаций подготовил письмо на имя секретаря Бухарского обкома КП (б) Узбекистана, в котором писал, что им обнаружены у арабов Вабкентского и Гиджуванского районов знания некоторых кустарных производств, которые заслуживают внимания, особенно в военный период. *«Я имею в виду, во-первых, производство веревок высокого качества и, во-вторых, производство шерстяных обмоток для ног. Я неоднократно имел возможность убедиться в эффективности этих производств и высоком качестве. Эти производства могут быть организованы очень быстро и без особых затрат, так как во многих домах я видел соответствующие станки, которые в настоящее время бездействуют. Для этих производств могли бы быть использованы пожилые женщины и престарелые мужчины, для сельскохозяйственных работ в колхозе мало пригодные. Не будучи специалистом в этой области, я не берусь судить об экономических выгодах этих производств, но я считаю своим долгом обратить Ваше внимание на этот вопрос, предоставив его решение Вашему усмотрению...»*¹⁵ К сожалению, сегодня мы уже не знаем, возымело ли действие его обращение...

На получении практически полных данных о языке и культуре бухарских арабов Исаак Натанович не останавливается. Он спешит провести как можно более детальное изучение языка, фольклора и этнографии всего арабского населения Узбекистана, успеть зафиксировать уходящие элементы культуры. На очереди — кашкадарьинские арабы. Всего через месяц после возвращения из Бухарской области, 28 июля 1943 г. он подает очередной рапорт руководству ЛО ИВАН:

«В соответствии с намеченным планом, прошу выдать мне субсидию на поездку в Кашкадарьинскую область для завершения работы по изучению арабов Средней Азии.

*Арабы Кашкадарьинской области, в отличие от бухарских арабов, изучены мною совершенно недостаточно (я провел у них всего несколько недель в 1938 г.). Между тем, диалект арабов Кашка-Дарьи резко отличается от диалекта арабов бухарской области, представляет несомненно большой научный интерес. Детальное его обследование и описание должно быть произведено безотлагательно, пока еще сохранились отдельные лица, которые могут быть для этого использованы. То же относится и к фольклору кашкадарьинских арабов»*¹⁶.

Аналогичное письмо было направлено и в дирекцию Института Этнографии АН СССР.

Руководство институтов идет навстречу ученому, и 14 октября 1943 г. И. Н. Винников прибывает в Джейнау — крупнейший арабский кишлак Средней Азии, насчитывавший на тот момент свыше 500 дворов. В Кашкадарьинской области работы протекали по трем основным направлениям: изучение языка и составление словаря, изучение фольклора и изучение культуры. В результате И. Н. Винников пришел к выводу, что диалект кашкадарьинских арабов резко отличается от диалекта бухарских — настолько, что представитель Джейнау не смог бы договориться по-арабски с арабом Бухарской области. Исаак Натанович идентифицировал его как совершенно самостоятельный арабский диалект, обнаруживающий в себе черты глубокой древности¹⁷. Следуя своей вышеописанной новой методике полевых исследований, И. Н. Винников сумел зафиксировать интереснейшие элементы самобытной культуры кашкадарьинских арабов и сделать заключение, что, кроме языка, формы брака, семейного уклада, кашкадарьинские арабы сохранили еще два ярчайших элемента своей традиционной культуры: национальный костюм арабской женщины, резко выделяющийся среди костюмов других народов Средней Азии, в особенности головной убор и украшения, и ковровое производство. Во время экспедиции И. Н. Винникова одним из главных элементов праздничного наряда арабской женщины Джейнау был сложный головной убор, состоявший из нескольких предметов. Непосредственно на волосы надевался капюшонообразный головной убор красного или белого цвета, в зависимости от возраста, называемый *гиззи*. Поверх *гиззи* надевали сшитый из бархата и вышитый шелком *бухнак* — головной убор, представлявший шапочку с незашитым накосником, свисающим на спину. Спереди, на уровне ушей, к бухнаку пришивался подбородочный валик — *гуйша* — набитый верблюжьей шерстью, который богато украшался нитками кораллов, бус и монетками. Поверх *бухнака* прикреплялось массивное головное серебряное украшение *синсиля*, с подвесками *чакка дуо* по бокам. Сверху все покрывалось легким головным покрывалом. В нос вставлялись два золотых кольца (*измам*), из коих одно продевалось через носовую перегородку, а другое — через правое крыло носа¹⁸.

Ковры кашкадарьинских арабов также отличались своей оригинальностью, причем не только качеством шерсти, техникой, но и орнаментами и композицией. Кроме паласов двух видов — *джихиззи* и *бозори*, арабские женщины ткали различные мешки для утвари, лепешек, зеркал, одежды, переметные сумы (*хурджины*), подпруги для ишаков, теплые обмотки для ног. Именно научный интерес к ковровым изделиям и украшения послужили причиной последней поездки И. Н. Винникова к кашкадарьинским арабам в 1944 г. — он задался целью привезти коллекцию ковровых изделий и принадлежностей женского костюма. Этой поездке также предшествовала большая подготовительная работа. Правда, на этот раз она носила не научный и организационный, а скорее административно-хозяйственный характер. Дело было практически в полном отсутствии средств для приобретения коллекционных предметов. В таких обстоятельствах можно было рассчитывать только на взаимовыгодный обмен. В качестве эквивалента для обмена Исаак Натанович выбрал то, в чем больше всего нуждались арабские женщины в тот момент — красители для шерсти. Но дело осложнилось тем, что он не знал, в каких именно красителях нуждаются арабы, «так как сами арабы не знают номенклатуры красителей, которые они употребляют. Пришлось предпринять, в известном роде, исследовательскую работу, выходящую далеко за пределы моей специальности. В результате опытов, проведенных в химической лаборатории ситце-печатной фабрики Текстилькомбината, а также

в химических цехах некоторых предприятий (Ленинский Райпрокомбинат, артель «Свой труд») удалось, не без большого труда, определить номенклатуру наиболее пригодных для коврового производства красителей. Разрешив эту задачу, пришлось приняться за другую, не менее сложную, задачу, а именно доставить эти красители в надлежащем количестве»¹⁹. От имени директора ИВ АН СССР акад. В. В. Струве в Ташкентское административно-хозяйственное управление и в Главхимсбыт были направлены письма с просьбами выделить АН СССР «для выполнения специального задания, имеющего большое научное и хозяйственно-экономическое значение», анилиновые красители (для окраски шерсти), бархат (красный, или зеленый, или синий), шелк цветной, красный кумач, белую ткань, ситец²⁰. В результате, после двухмесячных хождений по различным кабинетам, требуемые материалы были получены, и 18 октября 1944 г. И. Н. Винников вновь выехал в Кашкадарьинскую область. На этот раз ему не удалось попасть в Джейнау по причине карантина, и он выбрал местом своей дислокации кишлак Камаша в 15 км от Джейнау, также населенный арабами. Весть о том, что у ученого имеются анилиновые красители для шерсти, достаточно быстро разнеслась по округе, и к Исааку Натановичу началось настоящее паломничество, в результате которого ему удалось увидеть вещи, прежде скрытые от обозрения, и положить начало коллекции предметов быта арабского населения Узбекистана. К сожалению, попытки установить, где в настоящее время находится коллекция ковров и ковровых изделий, женские украшения и упомянутые выше ткацкий и прядильный станки, пока остаются безрезультатными. Во время доклада «Женщина и ее роль в сохранении культурной традиции у среднеазиатских арабов», прочитанном И. Н. Винниковым в Ленинградском государственном Университете в 1946 г., он представлял вниманию присутствующих несколько мелких ковровых изделий среднеазиатских арабов. Из этого следует, что коллекция была привезена в Ленинград, но на этом пока ее следы теряются. В фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН и в фондах Российского этнографического музея коллекция И. Н. Винникова не обнаружена.

В конце 1944 г. И. Н. Винников возвращается в Ленинград и продолжает обработку полученных полевых материалов. Он задумал подготовить многотомное монографическое издание «Арабы Средней Азии». Монография должна была состоять из четырех частей: 1. Кашкадарьинские арабы (фольклорные тексты, словарь диалекта); 2. Язык и фольклор бухарских арабов. Часть 1; 3. Язык и фольклор бухарских арабов. Часть 2; 4. Словарь диалекта бухарских арабов. В рабочих планах И. Н. Винникова, хранящихся в ПФА РАН имеется и запись о томе «Народное творчество арабов Средней Азии», но, по-видимому, этот том так и остался в планах ученого. Работы же о бухарских арабах увидели свет, правда, не в виде единого многотомного издания. Отдельные части этих материалов в середине 1950-х гг. печатались в востоковедном издании Чехословацкой Академии Наук «Archiv Orientalni» и аналогичном органе Венгерской Академии Наук «Acta Orientalia»²¹. Целиком «Словарь диалекта бухарских арабов» увидел свет в «Палестинском сборнике» (Вып. 10 (73)), вышедшем в издательстве «Наука» в 1962 г., а книга «Язык и фольклор бухарских арабов» была напечатана в 1969 г. Что же касается тома «Кашкадарьинские арабы», то до последнего времени он находился на архивных полках, хотя и был закончен раньше, чем опубликованная работа о бухарских арабах.

По результатам поездок к кашкадарьинским арабам в 1943–1944 гг. И. Н. Винников сделал несколько докладов в Ленинградском Государственном Университете, с которым его жизнь была неразрывно связана с 1922 г. Будучи оставленным на кафедре общей

этнографии после окончания Университета в 1925 г., за годы своей педагогической деятельности Исаак Натанович читал самые различные курсы: истории первобытных верований, семитской эпиграфики, семитского языкознания, финикийского, арамейского и древнееврейского языков и др. В 1945–1949 гг. он возглавлял кафедру этнографии на восточном факультете²². Именно в эти годы в ЛГУ были зачитаны И. Н. Винниковым доклады «Изучение арабов Средней Азии в годы Великой Отечественной Войны»²³, «Арабы в СССР»²⁴, «Женщина и ее роль в сохранении культурной традиции у среднеазиатских арабов»²⁵.

В 1981 г. в экспедицию в Джейнау с целью сбора коллекций выезжал научный сотрудник Российского этнографического музея Б. З. Гамбург. Ему удалось привезти коллекцию из 76 предметов, 27 из которых были произведены до 1920 г. В состав коллекции входят ковры и ковровые изделия, женские украшения и предметы одежды. Вещевая коллекция снабжена подробной описью собирателя и дополнена фотоколлекцией из 37 фотографий. По материалам своей экспедиционной поездки Б. З. Гамбург подготовил статью об арабах Джейнау, но она до настоящего времени не опубликована.

На стыке XX–XXI вв. у российских ученых вновь возник интерес к среднеазиатским арабам. В 1999 г. в Узбекистан, в кишлак Катта-Лангар в ста километрах от Самарканда д. и. н., проф. Е. А. Резвана привело исследование одной из древнейших в мире рукописей Корана — так называемого Корана Усмана. В Катта-Лангаре были обнаружены листы этой рукописи, идентичные тем, что хранятся в Институте Восточных Рукописей в Санкт-Петербурге. Во время своих поездок в данный кишлак Е. А. Резван утвердился во мнении, что в Узбекистане до сих пор живут еще арабы, сохранившие свой родной язык, несмотря на предсказания ученых середины XX в. да и мнение арабов других селений. Он решил разыскать этих людей. Поиски привели ученых снова в кишлак Джейнау.

В 2004–2007 гг. Музеем антропологии и этнографии РАН по инициативе Е. А. Резвана была начата работа над научно-исследовательской темой «Арабы Узбекистана», в рамках которой было организовано три экспедиционных выезда в Джейнау. На этот раз в экспедициях принимали участие, кроме лингвистов, этнографов и антропологов, профессиональные кинооператор и фотохудожник. В результате была привезена коллекция предметов быта, снят видеофильм «Jeunov — Мы пришли» и организована выставка с одноименным названием, с успехом экспонировавшаяся в Санкт-Петербурге в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН и в Музейном центре «Ваприикки» в Тампере (Финляндия). В 2008 г. должна быть подготовлена к печати коллективная монография «Арабы Узбекистана». Именно в процессе работы над этой темой автором этих строк и была обнаружена в Санкт-Петербургском филиале архива РАН неопубликованная монография И. Н. Винникова «Кашкадарьинские арабы (язык фольклор, этнография)». В архиве хранятся три варианта этой работы. Основное их различие заключается в транскрибировании арабских слов. В двух вариантах работы (рукописном и машинописном) арабские слова в фольклорной части монографии написаны в латинской транскрипции, в третьем — в русской. К работе приложена карта кишлаков (рис. 2), в которых проживают арабы, сохранившие родной язык (на время пребывания в Узбекистане И. Н. Винникова). Рукопись состоит из четырех частей: предисловия, в котором приведены данные о расселении и численности кашкадарьинских арабов, сохранивших родной язык, изложена история их изучения, охарактеризованы сохранившиеся у них черты традиционной культуры и подробно разъяснены как примененная система записи текстов, так и приемы, положенные в основу их издания; шестидесяти фольклорных текстов на кашкадарьинском арабском диалекте (в транскрипции); перевода этих текстов

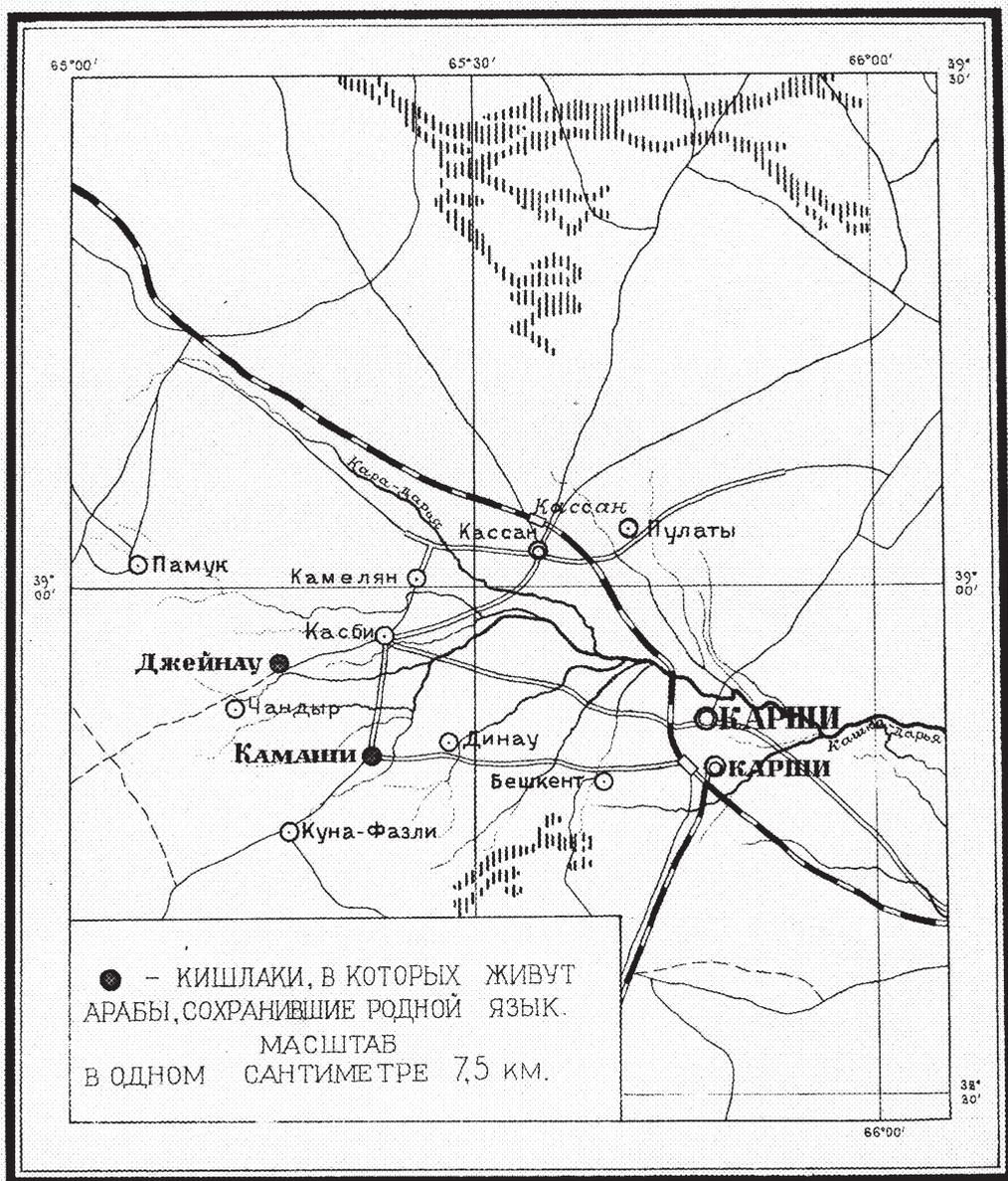

Рис. 1. Карта кишлаков

на русский язык; словаря кашкадарьинского диалекта, содержащего около 3000 слов. В словаре также содержится большое количество этнографических записей, касающихся одежды, украшений, коврового производства, системы питания кашкадарьинских арабов. Известно, что том был снабжен предисловием И. Ю. Крачковского, но, к сожалению, на сегодняшний день в архиве Игнатия Юлиановича удалось обнаружить лишь черновик данного предисловия, написанный простым карандашом. Пока прочитать его не представляется возможным. Дальнейшие изыскания в архиве позволили найти отзывы на данную

монографию акад. В. В. Струве и с. н. с. ИВ АН СССР А. И. Беляева. Отзывы датированы 28 июня 1948 г. и 30 сентября 1949 г. соответственно. Отзывы были даны самые положительные. Оба рецензента единодушно утверждали, что «Работа выполнена со знанием всего арабского диалектологического материала, известного в науке, и с безукоризненной тщательностью. Выход ее в свет будет иметь большое научное значение, так как очевиднейшей научной задачей советской арабистики является, в первую очередь, изучение настоящего и прошлого народов нашей страны. Труд И. Н. Винникова целиком, и по существу и качественно, отвечает этой задаче. Скорейшее опубликование его является безусловно важным и необходимым»²⁶. Однако по неизвестным нам причинам работа не была опубликована. Возможно, это было связано и со сложностями полиграфического набора текстов. В 2007 г. дирекция МАЭ РАН, совместно с Санкт-Петербургским филиалом архива РАН приняла решение о публикации монографии И. Н. Винникова «Кашкадарьинские арабы (язык, фольклор, этнография)» во вновь открываемой серии «Кунсткамера — Архив». Мы надеемся, что работа, которой И. Н. Винников посвятил более 10 лет своей жизни, увидит свет в 2008 г.

Как можно видеть из всего вышеизложенного, Исаак Натанович Винников провел самую большую, по сравнению со своими предшественниками и последователями, полевую работу среди арабского населения Узбекистана. Открытие им двух неизвестных арабских диалектов внесло большой вклад в развитие не только советской, но российской и зарубежной арабистики. Правительство Советского Союза признало заслуги Исаака Натановича перед государственной и мировой наукой. В 1946 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР И. Н. Винников дважды был награжден медалями «За доблестный труд во время Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг.». Но лучше всех о вкладе своего ученика в советскую и российскую арабистику может сказать только его учитель, академик Игнатий Юлианович Крачковский: «Исаак Натанович Винников является этнографом с очень широким кругозором и очень разнообразной подготовкой. Одна сторона этой подготовки, в которой я могу считать себя более или менее компетентным, делает его едва ли не единственным специалистом среди всех этнографов нашего Союза... Серьезная арабистическая подготовка И. Н. Винникова позволила ему показать себя не только этнографом, но и лингвистом. Когда в 1936 г. была снаряжена Академией Наук СССР экспедиция в Среднюю Азию для изучения остатков живущих там арабов, он не ограничился этнографическими наблюдениями, о которых сделал ряд докладов в Арабском Кабинете, на Сессии арабистов и т. д. Он произвел ряд диалектических фольклорных записей, которые впервые дали нам отчетливое представление о языке, быте и словесности этих арабов. Им подготовлено уже к печати большое исследование, которое осветит это выдающееся научно открытие»²⁷.

¹ Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. С. 104.

² Гребенкин А. Д. Мелкие народности Зеравшанского округа // Русский Туркестан. Вып. 2. М., 1872. С. 113.

³ См.: Андреев М. С. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 г. Ташкент, 1925.

⁴ Бартольд В. В. Задачи изучения Туркестана // Наука и просвещение. Ташкент, 1922. № 2. С. 10.

⁵ ПФА РАН. Ф. 1026. Оп. 3. Ед. хр. 178. Л. 6.

⁶ ПФА РАН. Ф. 1026. Оп. 3. Ед. хр. 178. Л. 7–8.

⁷ ПФА РАН. Ф. 1026. Оп. 3. Ед. хр. 178. Лл 7–8.

⁸ См.: ПФА РАН Ф. 1026. Оп. 2. Ед. хр. 174. Л. 127.

- ⁹ ПФА РАН Ф. 1045. Оп. 3. Ед.хр. 212. Л. 1.
- ¹⁰ См.: *И. Н. Винников*. Словарь диалекта бухарских арабов // Палестинский сборник. Вып. 10 (73). М.; Л., 1962. С. 3.
- ¹¹ ПФА РАН. Ф. 1045. Оп. 2. Ед. хр. 113. Л. 42.
- ¹² ПФА РАН. Ф. 1045. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 2–4.
- ¹³ ПФА РАН. Ф. 1045. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 23–24.
- ¹⁴ ПФА РАН. Ф. 1045. Оп. 2. Ед. хр. 113. Л. 42.
- ¹⁵ ПФА РАН. Ф. 1045. Оп.2. Ед. хр. 113. Л. 33.
- ¹⁶ ПФА РАН. Ф. 1045. Оп. 2. Ед. хр. 115. Л. 8.
- ¹⁷ См.: ПФА РАН. Ф. 1045. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 36–37.
- ¹⁸ См. ПФА РАН. Ф. 1045. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 15–16.
- ¹⁹ ПФА РАН. Ф. 1045. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 40–41.
- ²⁰ См.: ПФА РАН. Ф. 1045. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 24–25.
- ²¹ *И. Н. Винников*. Образцы фольклора бухарских арабов. I // *Archiv orientalni*. 1957. 25. fasc. 2. С. 173–189.; *И. Н. Винников*. Образцы фольклора бухарских арабов. II // *Archiv orientalni*. 1957. 25. fasc. 3. С. 426–451; *И. Н. Винников*. Фольклор бухарских арабов // *Acta Orientalia*. Budapest. VI. fasc. 1–3. С. 181–206.
- ²² См.: Вопросы филологии стран Азии и Африки. Вып. I / Отв. ред. В. И. Беляев и А. А. Долинина. Л., 1971. С. 6.
- ²³ ПФА РАН. Ф. 1045. Оп. 1. Ед. хр. 110.
- ²⁴ ПФА РАН. Ф. 1045. Оп. 1. Ед. хр. 111.
- ²⁵ ПФА РАН. Ф. 1045. Оп. 1. Ед. хр. 112.
- ²⁶ ПФА РАН. Ф. 1045. Оп. 2. Ед. хр. 69. Л. 5.
- ²⁷ ПФА РАН Ф. 1026. Оп. 1. Ед. хр. 348. Л. 1.

Библиография

Абрамова З.А., Григорьева Г.В. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. СПб., 1997. Вып. 3.

Гаврилов К.Н. Специфика кремневых комплексов Среднеднепровских стоянок поздневалдайского времени (сравнительная типология предметов с вторичной обработкой): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.

Грехова Л.В. Тимоновские стоянки и их место в позднем палеолите Русской равнины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970.

Григорьева Г.В. Исследования верхнепалеолитического поселения Юдиново в 1996 и 1997 гг. СПб., 1997.

Моисеев В.Г. Опыт статистической обработки элементов культурного слоя // Пушкаревский сборник. СПб., 1997 Вып. 1. С. 44-51.

Моисеев В.Г., Арсентьева Д.Ю. Кремневый инвентарь верхнепалеолитической стоянки Пушкари I: опыт статистического исследования // Пушкаревский сборник. 2003. Вып. 2. С. 37-41.

Тарасов Л.М. Палеолит бассейна Десны: Автореф. дисс. ... док. ист. наук. Л., 1991.

Хлопачев Г.А. Стоянки Погон и Бугорок (раскопки 1997–1999, 2001 гг.) // Пушкаревский сборник. 2003. Вып. 2. С.42–45.

Хлопачев Г.А. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. СПб., 2006.

Хлопачев Г.А., Григорьева Г.В. Раскопки верхнепалеолитического поселения Юдиново // Археологические открытия 2004 года. М., 2005. С. 243–244.

Moiseyev V.G. Pushkari I: Results of Multivariate Analysis // XIV international congress of prehistoric and protohistoric sciences. Liege — Belgium. PRE-PRINTS. 2003.

М.А. Янес

ОВЦЕВОДСТВО В КАШКАДАРЬИНСКОЙ СТЕПИ (НА ПРИМЕРЕ ХОЗЯЙСТВА АРАБОВ КИШЛАКА ДЖЕЙНАУ)

Рассматриваемая нами группа арабов появилась в Кашкадарьинской степи в районе нынешнего кишлака Джейнау не позже XIV-XV вв., и факт прихода ее из Афганистана является достоверным [Резван 2004: 52-53].

Будучи по своей природе кочевниками, вначале своего пребывания в Кашкадарьинской степи они занимались исключительно разведением особой породы каракульских овец, приведенных с собой из Афганистана, и даже сегодня в Джейнау разводят породу чистокровных каракульских овец, происходящую, как считают местные жители, именно из Афганистана. Со слов местных специалистов, до настоящего времени афганские сорта каракуля очень похожи на Джейнавские. Арабы называют эту породу овец «араби». «Слово же “каракуль” (которое в данном случае можно считать синонимом “араби”) некоторые производят от имени оазиса и города Каракуль в Бухаре, другие — от озера Каракуль, третьи производят это слово от

ассирийского “кара-гюль”, что означает “черная роза”» [Иванов 1934: 162-163]. Это хорошо согласуется с тем, что в настоящее время в каракулеводстве укоренились названия овец в связи с цветом получаемых от них смушек. Специалисты различают: «араби» — черные, «ширази» — серые, «комбар» — рыжие, коричневые и бурые, «сур» — золотистые или серебристые [Иванов 1934: 163].

На протяжении столетий овцеводство было для арабов Джейнау основой домашнего хозяйства и экономики. В 1820 г. Мейендорф писал о местных арабах, что «это они главным образом доставляют для торговли знаменитые шкурки выкинутых ягнят». В 1843 г. Н. Ханыков подтвердил заметки Мейендорфа, отметив, что «главная промышленность их [арабов] состоит в разведении баранов, большая часть мерлушек, как серых, так и черных, доставляются ими на базары Ханства» (цит. по [Кармышева 1962: 587]).

Кроме знаменитых каракульских шкурок (смушек), арабы получали и получают от своих овец и большое количество прекрасной шерсти, необходимой для другого традиционного занятия — производства паласов, а мясо и молоко местных овец и сегодня являются основой белкового питания арабов Джейнау. Именно поэтому до настоящего времени на уровне отдельных хозяйств разведение каракульских овец играет значительную роль. Вообще каракульская овца считается очень доходной по сравнению с другими породами овец. Арабы научились использовать практически все, что эта овца может дать, даже овечий помет — им могут топить тандыр.

В 1956 г., когда К.Л. Задыхина с отрядом Южно-Узбекской экспедиции посетила Кашкадарьинскую область, она имела возможность записать рассказ одного из местных жителей, который с гордостью говорил о том, что «в начале XX в. в кишлаке Джейнау большим баем (*кабба-бай*) был Махмонати. Он имел 2,5–3 тыс. каракулевых овец, 100–150 верблюдов и 40–45 лошадей. Махмонати торговал каракулем и был очень богатым человеком. Кроме того, во время уборки урожая, когда зерно дешевет, он скупал на 2–3 тысячи [тенег] зерна, а потом, когда оно дорожало, бай его продавал. Батраками у этого бая работало больше 50 человек. В 1932 г., при раскулачивании, имущество этого бая — лошадей, верблюдов и овец — передали беднякам, каракулевых шкурок и хороших шуб у Махмонати реквизируют целую машину» [Архив МАЭ РАН. Ф. 26. Оп. 1. Д. 31. Л. 66]. По этой записи можно составить представление о внушительных размерах отар, выпасавшихся на просторах Кашкадарьинской степи.

Однако в течение XX в. под влиянием многих факторов овцеводство утратило свои лидирующие позиции в экономике региона. В первую очередь это связано с большим развитием хлопководства. В 50–60-х годах XX в. в связи с постройкой оросительных каналов значительные земли и силы были оторваны на производство хлопка. Наступление людей на степи, т.е. на места выпаса отар, продолжается до настоящего времени. В прошлом в летний период отары откочевывали на большие расстояния от кишлака. У нас имеются данные, что в засушливые годы бай Джейнау перегоняли свои ота-

ры на выпас в Гиссарское бекство [Кармышева 1962: 588]. В настоящее время выпас происходит в относительной близости от селения.

За многие века у арабов Джейнау сложилась целая система знания о разведении ценной породы овец, ориентированная на получение высококачественной шерсти и дорогостоящих шкур. Этнографические описания в литературе, личные наблюдения автора, интервью с ныне работающими чабанами и специалистами сельского хозяйства дают возможность составить довольно полное представление о традиционном способе разведении овец в Джейнау.

Овцеводческий год начинается с зимовки стада. Зимуют овцы (*нааджа*) там же, где и пасутся — в степях, на естественных пастбищах. Стоянка расположена на расстоянии 30 км от кишлака, на северо-западе. В степи выстроен комплекс невысоких и простых по своему устройству глиняных домов, не окруженных каким-либо забором, в которых живут чабаны и их семьи. Два дома предназначены для проживания находящихся при стаде чабанов — в данном случае старшего чабана, его сына и членов их семей. Один из домов — хозяйственное помещение, используемое и как склад, и один — большой сарай для травы и сена, состоящий из двух частей: собственно сарая и навеса. Возле каждого жилого дома имеется *суфа* (глинобитная площадка, приподнятая, как и весь дом, над поверхностью земли на 30–40 см). Кухня устроена прямо на открытом пространстве и представляет собой глиняное возвышение, в которое вставлены два казана. Под казанами разводится огонь. Тандыра на стоянке нет. Лепешки чабану привозят из кишлака. Иногда он сам (или его жена) пекут так называемый «хлеб чабана» — *загора* или *нон-загора*. Для его приготовления круглый шар из теста закапывается в золу костра, который лучше всего развести из веток саксаула.

На расстоянии 100–300 м от комплекса жилых построек из веток, стеблей хлопчатника и сена для овец построены простейшие укрытия — *кошары* (рис. 1). В редких случаях, когда в степи случаются очень сильные морозы (до 35–40°), отару загоняют в кошары закрытые глиняные кошары крытые соломой, выстроенные специально для таких случаев (рис. 2). Зимняя кошара расположена на расстоянии около 700 м от жилого комплекса. Постоянно держать в закрытых помещениях овец нельзя — они могут заболеть. Когда овцы упитанные, жирные, холод им не страшен. Если во время снегопада овцы оказываются на открытом пространстве, пастух периодически поднимает овец, не давая им переохладиться под снегом.

Зимой в степи у овец, конечно же, нет достаточного количества корма, и на место зимовки привозят заранее заготовленное сено. Одним из основных видов зимних кормов являются и стебли хлопчатника — *гуза пая*. Их скармливают как целыми, так и в измельченном виде.

Ранней весной, с 20 февраля по 20 марта, овцам скармливается первая, специально посеянная трава. После 20 марта наступает настоящая весна с хорошим, иногда по пояс, травостоем, и овцы быстро набирают силы и вес после зимы. С 25 марта в отарах начинает появляться молодняк — по одно-

му у каждой овцы. Окот происходит прямо в степи или в кошарах, куда загоняют суягных овец, чтобы не потерять новорожденных ягнят. Рядом с кошарами имеются довольно глубокие (ок. 1,5 м глубиной), специально вырытые ямы. По словам чабана, в такую яму он помещает овцу с новорожденным ягненком в случае, если овца отказывается кормить новорожденного, чтобы приучить ее. На протяжении шести-семи благополучных теплых месяцев ягнята пасутся и спят вместе с матерями. Отлучают ягнят от матерей обычно в сентябре-октябре. Тогда их выделяют в отдельное стадо *бахам*, которое пасется уже самостоятельно [ПФА РАН. Ф. 1045. Оп. 1. Ед. хр. 115. 1944-1948: 356].

Рис. 1. Кошара открытого типа

Весеннее время массового окота является и временем заготовки каракулевых шкурок. Мездра свежеснятых шкурок густо посыпается солью, и в таком виде шкурки около недели хранятся в помещении. Затем шкурки очищают, тщательно соскребают соль и в течение нескольких часов сушат на солнце. Готовые шкурки сдаются в заготовительные конторы и приносят достаточно большой доход.

Стригут овец два раза в год. Первая стрижка начинается с началом теплого периода, когда овцы уже потихонечку начинают набирать вес: обычно с 20 марта — 1 апреля и может продолжаться до конца мая. Второй раз — в момент, когда ночью становится уже прохладно, но еще есть время на то,

чтобы новая шерсть успела вырасти к началу зимовки. Обычно это происходит в сентябре. Как перед весенней, так и перед осенней стрижкой овец обязательно моют. В.К. Развадовским в Кашкадарьинской области эта процедура зафиксирована следующим образом: «Процесс мойки очень примитивен: загоняют овцу в воду, затем два чабана берут овцу за ноги, и, перевернув ее, начинают полоскать. Когда шерсть обсохнет, овцу стригут» (цит. по [Мошкова 1970: 236]). Стрижкой занимаются молодые сильные мужчины и мальчики. На глазах автора этих строк 13-летний мальчик обстриг одного барана приблизительно за 40 минут. В среднем с каждой овцы получают около двух килограммов шерсти. Весенняя шерсть всегда по качеству лучше, чем осенняя, длиннее. Длина косицы весенней шерсти может достигать 18 см.

Рис. 2. Кошара закрытого типа

С наступлением лета чабан особое внимание должен уделять временно-му режиму передвижения отары. От этого режима зависит цвет и качество шерсти и степень нагуливания жира к зиме. Даже ночью овцы не должны постоянно находиться в состоянии неподвижности. Пастух их поднимает, заставляет двигаться. И.Н. Винникову удалось зафиксировать даже такие тонкости: «Овцы [ночью] должны справлять свои естественные потребности и опять ложиться. Считается, что если овцы ночью будут только лежать, “их моча на них направится, по коже разойдется, они преть начнут, зимой у них вши заведутся, вши одолеют их, жиреть не будут. Когда начнутся дожди, снег пойдет, они погибнут”» [Винников 1962: 222].

К числу правил летнего выпаса относятся и правила «кучности» пастбы, которая оказывает большое влияние на качество шерсти. В летние ме-

сяца кучная пастьба категорически запрещена: если летом пасти овец кучно, они будут меньше двигаться и даже ложиться. «Если в жару их пасти кучно, то они [овцы] шерсть свою жевать будут, она влажной станет, на нее пыль садиться будет, она плохой станет» [Винников 1962: 220]. Осенью же, в октябре-ноябре, когда становится прохладно, чабан пасет овец уже кучно. «Их шерсть словно тростник становится, прямо стоит» [Там же]. Зимой кучное содержание спасает отару от заморозков. Опытные чабаны даже приучают отару слушаться определенных команд. «Пастух произносит: р-р-р-р-хей — овцы сами в кучу сбиваются. Он произносит: и-и-и-и-хок — овцы головами к земле приникают, траву едят» [Там же].

Имеются у чабанов и правила стравливания пастбищного пространства. Участок, предназначенный для выпаса, чабан мысленно делит на семь частей. Каждый день отара пасется на новом участке. На протяжении всего сезона отара передвигается от участка к участку по кругу. Чабан никогда не выгонит отару на всю площадь выпаса одновременно.

В середине XX в. (со слов информатора, бывшего директора колхоза) на одну отару приходилось 125 га земельных угодий. В настоящее же время, с освоением степи, на одну отару приходится всего 5 га. Конечно же, это сказало на поголовье стад и «упитанности» овец. Если раньше одна отара насчитывала до 600-700 овец, то в настоящее время в одной отаре не более 400 голов.

Несколько раз в день летом отара должна приходиться на водопой. После водопоя — небольшой отдых (около двух часов) и опять пастьба, и таким образом все повторяется 2-3 раза в день. У арабов даже существует поговорка о том, что «летом у овцы три ноги хотят воды и только одна — корму». В настоящее время отары отгоняют на водопой к так называемым водяным коллекторам, куда поступает вода из каналов для полива хлопчатника.

Ночью отара обязательно охраняется чабаном с собаками, так как в степи есть шакалы, которые часто нападают на стада. Одну отару пасут обычно два-три чабана (если отара 600 голов) и две-три собаки. Обычно это старший чабан, руководящий всем процессом, и один-два помощника, чаще всего его сыновья. Особенно важно наличие двух (и более) человек при перегонке отары, так как иногда бывает необходимо вернуться и подогнать отставших или заблудившихся молодых овец.

В основном в скотоводческом хозяйстве работают мужчины. В Джейнау чабаны только мужчины. Вообще профессия чабана считается довольно прибыльной и престижной: овцы размножаются достаточно быстро, а чабан всегда имеет возможность, кроме хозяйских или общественных овец, выпастить и определенное количество своих собственных. Зачастую вместе с мужем в поле (особенно на такой оборудованной стоянке, как было описано выше) находится и жена, и вся семья. Женщина готовит мужу еду, чай, может заниматься дойкой овец, но заниматься пастьбой ей не положено. Еще в середине XX в. весной молодую невестку из семьи, имевшей свою отару овец, из кишлака на лето отвозили в степь, ставили для нее там юрту, и она

должна была жить в степи, заниматься дойкой овец и коз и готовить из овечьего молока масло и другие продукты [ПФА РАН. Ф. 1045. Оп. 1. Ед. хр. 115. 1944-1948: 358].

Доят овец один раз в день. По сообщению информанта, одна овца дает в день около литра молока. Из овечьего молока, кроме масла, в Джейнау готовят прекрасную брынзу, которой местные жители очень гордятся и говорят, что она помогла им пережить трудные годы Великой Отечественной войны.

Значение овцеводства в жизни мусульман-скотоводов столь велико, что овца стала неотъемлемым «участником» важнейших ритуалов. Она является одним из главнейших объектов жертвоприношения.

В глубокую древность уходит своими корнями самый большой праздник мусульман Курбан-байрам — праздник жертвоприношения Единому Создателю. В этот праздник мусульмане воздают хвалу Аллаху, сохранившему жизнь Исмаилу, к которому восходит родословная Мухаммеда. Из всех видов животных в жертву можно приносить верблюдов, коров, буйволов, овец и коз. Чаще всего в качестве жертвы выступают бараны. Во многих мусульманских городах и селениях в течение всего года откармливают баранов, предлагая их на продажу к празднику. Мясо убитых жертвенных животных делится на три части, одну из которых, согласно закону, нужно отдать бедным, из другой приготовить угощение для друзей и родственников, а третью можно оставить себе.

В случае болезни человека в Джейнау также устраивалось жертвоприношение. Какое-либо животное (чаще всего овцу) три раза обводили вокруг сидящего больного, затем животное резали, варили мясо и раздавали людям, чтобы они ели с добрыми пожеланиями: «Пусть больной выздоровеет! Пусть жертва будет принята!» [ПФА РАН. Ф. 1045. Оп. 1. Ед. хр. 115. 1944-1948: 490]. И до настоящего времени в Джейнау существует обычай приносить жертву во время закладки нового дома. По словам информанта (в 2007 г.), при начале строительства дома на участке обязательно нужно принести в жертву барана, чтобы его кровь окропила место будущего дома, а мясо сварить и разделить между строителями, друзьями, соседями.

Исходя из всего вышеизложенного можно сделать вывод о большой роли каракульской овцы в жизни арабов и о том, что на протяжении столетий арабы разработали профессиональную систему знаний о ее разведении. Именно арабскому влиянию, по мнению И.Н. Винникова, следует в значительной степени приписывать широкое развитие у народов Средней Азии (и в Кашкардарьинской степи в частности) каракулеводства [ПФА РАН. Ф. 1045. Оп. 1. Ед. хр. 111. 1946: 23].

Арабы — прекрасные пастухи, и, несмотря на сокращающиеся площади для выпаса, исчезновение степных колодцев и необходимость поить животных из коллекторов, в которые попадают воды с хлопковых полей, иногда загрязненные химикатами, овцеводство все еще продолжает оставаться од-

ним из основных традиционных занятий арабов Джейнау. Это источник продуктов питания и одна из главных отраслей экономики арабов Джейнау.

Библиография

Винников И.Н. Словарь диалектов бухарских арабов. Палестинский сборник. М.; Л., 1962. Вып. 10 (73).

Иванов М.Ф. Курс овцеводства. М., 1934.

Кармышева Б.Х. Среднеазиатские арабы // Народы мира. Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1962. Т. II.

Мошкова В.Г. Ковры народов Средней Азии конца XIX — начала XX в.: Материалы экспедиций 1929-1945 гг. / Обработаны, дополнены и подготовлены к печати А.С. Морозовой. Ташкент, 1970.

Резван Е.А. Коран Усмана. СПб., 2004.

О.В. Янишина, А.В. Гарковик

О РЕЗУЛЬТАТАХ ПЕТРОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕЙШЕЙ КЕРАМИКИ ПРИМОРЬЯ

Статья подготовлена в рамках проекта «Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырье и приемы обработки» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН и отделений РАН «Механизмы и формы культурной адаптации человека к изменениям природно-климатической системы».

Одним из важнейших достижений дальневосточной археологии за последние двадцать лет, безусловно, следует считать открытие памятников с архаичной керамикой, относящихся к концу плейстоцена — началу голоцена, а в терминах археологической периодизации — к финальному этапу палеолита или мезолиту. В настоящий момент на Дальнем Востоке насчитывается уже более десяти таких памятников, три из них расположены на территории Приморья — Устиновка-3 (9301±31 л.н.), Черниговка-Алтыновка-5 (9020±65 л.н.) и Горный Хутор [Гарковик 2005]. Общее количество фрагментов керамики на этих трех памятниках невелико (Устиновка-3 — 150 фр., Черниговка — 20 фр., Горный Хутор — 1 фр.), но они представляют собой бесценный материал для реконструкции древнейших этапов развития гончарного производства и культурного процесса в целом.

Многие проблемы, связанные с изучением ранней керамики Дальнего Востока, привлекают внимание как российских, так и зарубежных исследователей. Значительный вклад в изучение технико-технологических и типологических аспектов древнейшей керамики Приморья сделан И.С. Жушиховской [Жушиховская 2002, 2004]. Она установила, что эта керамика изготавливалась из формовочных масс двух видов: из глин без искусственного